

© 2008 г. К.Х. Межиева

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ
КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ**

В современных обществах наблюдается кризис нравственной и духовной жизни. Делается попытка доказать значимость духовных ценностей в стабильном развитии и существовании социума. В традиционном чеченском обществе при отсутствии государственных институтов неполитическое регулирование осуществлялось через систему духовных ценностей: мораль, выступая способом нормативной регуляции, определяла отношения людей и обеспечивала общественный порядок с помощью обычаев, традиций, а также таких институтов социального контроля, как род, семья и община. В современном глобализирующемся мире, где идет мощное информационно-культурное воздействие на сознание людей, перед чеченским обществом стоит проблема сохранения самобытности своей культуры.

Ключевые слова: нравственные и духовные ценности, сохранение самобытности культуры, стабильное развитие общества, модернизация общества, регулирование общества, мораль, культура, кризис культуры.

Духовные ценности, выраженные в культуре того или иного этнического сообщества, оказывают значительное воздействие на все стороны его жизни. Более того, духовные ценности (наряду с существующими правовыми нормами) выступают в роли регулятора общественной жизни (эта достаточно специфическая функция духовных ценностей, как правило, недооценивается современными исследователями). А ведь духовные ценности, выраженные в форме норм морали, в традиционном обществе носили универсальный характер и находили применение во всех сферах жизнедеятельности. В современной политологии считается едва ли не постулатом, что стабильность того или иного общества достигается либо благодаря наличию в нем общественно признанных традиций и норм морали, либо благодаря государству как центральному звену в политической системе, упорядочивающей жизнь общества [1, с. 71]. Что касается традиционной чеченской культуры, то в ней исключительное значение придается нравственным качествам личности. Настолько важное, что не следование принятым нравственным нормам не могло быть ничем оправдано – даже непосредственная угроза жизни и здоровью не могли служить оправданием от отступления от нравственных норм: «Чеченское традиционное общество изначально было предельно «жестким» при оценке человека, рассматривая, прежде всего, соответствие его поведения нравственным нормам. При этом не принимались во внимание ни прежние заслуги, ни громкое имя, ни способности. Все эти достоинства в глазах

чеченцев могли быть обесценены и уничтожены одним недостойным поступком» [2, с. 8]. Предельная жесткость морально-нравственных требований, предъявляемых к личности, отражена, в частности, в широко распространенной среди чеченцев поговорке: «Чеченцем быть очень трудно».

При этом, бесспорно, главная ценность чеченской традиционной культуры – уважение к человеку, к личности. По утверждению известного чеченского писателя и знатока чеченской народной культуры Мусы Ахмадова: «Вся нравственно-этическая культура чеченцев зиждется на главном принципе – глубоком понимании величайшей ценности человека, как творения Всевышнего, Его наместника на земле. В чеченском фольклоре, выражающем миропонимание, этические воззрения, эстетический идеал и духовные устремления народа, – смерть одного человека сравнивается с крушением света:

Когда мне говорили, что мир разрушится,

Мне казалось, что небеса упадут на землю...

Но оказалось, что крушение света – это смерть близкого человека» [3, с. 20-21].

Основными нравственно-этическими категориями в системе духовных ценностей чеченцев считаются: адамалла – человечность, гуманизм; ц1еналла – нравственная чистота; оьздангалла – благородство; г1иллакх – этикет; кьонахалла – кодекс чести; сий – честь, достоинство; эхь-бехк – совесть, чувство долга; эхь – стыд; кьинхетам – милосердие, сострадание; яхь – доброжелательная соревновательность в благородстве; нийсо – справедливость; собар – терпение; маршо – свобода.

Очевидно, что традиционная чеченская духовная культура базируется на тех же категориях, что и у других народов Земли и в этом смысле она базируется на общечеловеческих ценностях. Вместе с тем на Земле нет абсолютно идентичных этнических культур – для каждой нации характерен свой особый менталитет, каждая нация отличается только ей одной присущим сочетанием темперамента, типа мышления и мировосприятия. Как уже говорилось, для традиционной чеченской культуры, как и для Кавказа в целом, характерен культ «достойного человека». Как подчеркивает чеченский этнограф С.-М. Хасиев: «Здесь живут под лозунгом: «Все безнравственное – антисоциально». Достоинство человека не связывается ни с его «мошной», ни с его происхождением, ни с занимаемым постом» [18, с.38]. В качестве наиболее высоко оцениваемых духовных ценностей в традиционном чеченском обществе выступали принципы равенства и справедливости. Вся традиционная чеченская культура и этика пронизаны стремлением защитить от любых посягательств идеалы равенства, свободы и справедливости, причем указанные идеалы имеют ценность только в том случае, когда служат не интересам отдельной личности, а во благо всему обществу. Можно утверждать, что в традиционном чеченском обществе равенство и справедливость понимались скорее как принцип равного воздаяния за те или иные поступки, чем как неотъемлемые права личности.

Являясь стержнем духовности чеченского народа, категория свободы выступала и как источник его нравственности. Все наиболее значимые явления в жизни чеченского общества соизмерялись со свободой, что нашло отражение и в фольклоре, и в народных тра-

дициях. Достаточно сказать, что обычная форма приветствия у чеченцев в переводе на русский язык звучит буквально так: «Приходи свободным». При расставании, соответственно, высказывается пожелание: «Оставайся свободным». Однако в жестко саморегулирующемся чеченском обществе свобода не могла быть абсолютной и естественным образом ограничивалась интересами общества. Рядовой чеченец, являясь полноправным членом общины, в которой он жил, оставался внутри нее равным среди равных и поэтому свободным. Именно членство в общине обеспечивало его свободу и гарантировало защищенность от посягательств на его права.

К лучшим качествам личности у чеченцев традиционно причисляется также выдержка, сдержанность и терпение (по-чеченски – «собар»). Причем наличие именно этих качеств диктовалось всем традиционным, общинным образом жизни чеченцев. К тому же и мусульманская религия требовала от человека быть прощающим, милосердным и гибким. Необычайно высокая степень самоуправления, достигавшаяся за счет достаточно жесткого следования общепринятым морально-нравственным нормам, в настоящее время считается одной из отличительных особенностей традиционного чеченского общества. И действительно, вплоть до начала Кавказской войны, которая во многом способствовала созданию теократического государственного образования под руководством имама Шамиля – Чечня не знает государственных институтов в современном понимании. В традиционном чеченском обществе при отсутствии государственных институтов неполитическое регулирование осуществлялось через систему духовных ценностей: «...мораль, выступая способом нормативной регуляции, определяла отношения людей и обеспечивала общественный порядок с помощью обычаев, традиций, а также таких естественноисторических институтов социального контроля, как род (тейп), семья и община. Нормы морали повелевали человеку следовать определенному типу поведения и избегать того, что ему противоречило. Они составляли целостный моральный кодекс, ориентировавший человека не только в нравственной, но и в социально-политической реальности. ...в чеченском обществе моральная норма практически не отличалась от правовой. В отличие от современного общества, где мораль не выступает как институт сознания и ее нормы не обеспечиваются деятельностью специальных учреждений и органов, как, например, политические или правовые, – моральная нормативная регуляция в чеченском обществе сама обладала институциональным характером» [5 с. 33-34]. Таким образом, долгое время мораль и морально-этические императивы в чеченском обществе являлись одним из важнейших инструментов его самоорганизации.

Еще одна из особенностей традиционной чеченской культуры состоит в том, что она не подвержена влиянию сословного, расового и какого-либо иного условного фактора, а также не делит людей по полу, возрасту и т.д. Принятых в чеченском обществе морально-нравственных норм обязаны были придерживаться все – независимо от возраста, пола, социального положения. Чеченская культура, глубоко оригинальная в своей основе, несет на себе отпечаток последовательной смены целого ряда культурных влияний. Так, отчетливо прослеживается длительное грузинское влияние, пик которого пришелся на IX-X в. (в вы-

сокогорных районах Чечни тесные связи с соседней Грузией сохранялись всегда). По крайней мере, начиная с XVI в. заметно усиливается арабо-мусульманское культурное влияние, отразившееся на всем духовном облике современных чеченцев. Со второй половины XIX в. все возрастающее воздействие на чеченцев оказывает европейская цивилизация, знакомство с которой долгое время происходило опосредованно через Россию. В настоящее время среди чеченских авторов широко распространено мнение, что для чеченской национальной культуры характерен симбиоз восточной (арабо-мусульманской) и западной (европейской) мировых культур. Причем, арабо-мусульманская культура оказала исключительно сильное влияние на нравственные представления и сознание чеченского народа, в то время как влияние западной (европейской) культуры наиболее полно отразилось на материально-бытовой сфере [6, с. 291].

Начиная с момента присоединения Чечни к России, происходит постепенная трансформация чеченской традиционной культуры, напрямую связанная с процессом модернизации чеченского общества. Модернизационные процессы особенно ускорились в годы советской власти, что также ускорило трансформацию чеченской традиционной культуры и появлению в чеченской культурной среде отдельных элементов массовой культуры. По мнению ряда чеченских исследователей, проникновение массовой культуры в чеченскую национальную среду во многом облегчалось негативными последствиями депортации, приведшей к значительному размыванию традиционной чеченской культуры. Именно в период ссылки многие чеченские традиции либо перестали соблюдаться, либо их выполнение приобрело формальный характер. Кардинально изменились одежда, образ жизни и даже устройство жилья. Кроме того, значительно ослабла духовно-культурная связь между поколениями, что привело часть чеченской молодежи к убеждению, что национальная культура не представляет особой ценности, особенно по сравнению с культурами великих народов [7, с. 8]. В этом плане весьма показательным является то, что именно в период депортации начинается массовое освоение чеченцами русского языка, что не могло не сопровождаться усвоением и ценностей русской (шире – общеевропейской) культуры.

Тем не менее, основы чеченской национальной культуры уцелели. Причем, некоторые чеченские авторы, например, Муса Ахмадов убеждены, что сохранение традиционных черт чеченской культуры под натиском культуры инациональной происходило благодаря сохраняющемуся влиянию традиционного для Чечни суфизма: «...в Чечне еще оставались люди, когда-то близко знавшие авлия, и они-то (несмотря на свою малочисленность) не давали угаснуть свету подлинной народной культуры» [7, с. 195]. Модернизация чеченского общества еще более ускорилась в эпоху «развитого социализма». И, тем не менее, период 60-80-х гг. XX в. подавляющим большинством чеченских исследователей оценивается как чрезвычайно успешный в плане развития национальной культуры и профессионального искусства, что происходило наряду с формированием чеченской творческой и научной интеллигенции. Тот факт, что быстрая модернизация чеченского общества не привела автоматически к деградации национальной культуры показывает, что существует четкое различие между проникновением массовой культуры и процессом модернизации.

Конечно, одна из сторон модернизации состоит как раз в развитии новых (не традиционных) объективированных форм культуры (технологий, производства, средств коммуникации и т.д.), а также социально-психологических сдвигах, формирующих иной, не характерный ранее для данного общества тип привычек, стереотипов, психологических реакций [8, с. 9]. Однако этот процесс вполне может укладываться в рамки развития национальной культуры, которая обогащается новыми формами.

Что касается так называемой массовой культуры, то ее проникновение в чеченскую культурную среду становится заметным на рубеже 80-90-х гг. прошедшего века. Причем в это же время массовая культура все более громко заявляет о себе на всем пространстве стремительно дряхлеющего Советского Союза. В конечном итоге, к моменту крушения советской власти чеченский народ подошел с ослабленной национальной культурой и в значительной мере маргинализированным сознанием. При этом чеченская национальная интеллигенция весьма слабо противодействует проникновению массовой культуры, в том числе и по той причине, что ей ни тогда, ни сегодня так и не удалось стать «властительницей дум» для основной массы чеченского общества. Вообще, определенная степень отчужденности чеченской интеллигенции представляет собой одну из характерных черт ситуации в Чечне. Объяснение, по всей видимости, следует искать в том, что светски образованная интеллигенция долгое время ассоциировалась в Чечне с иной («русской») культурой. Ситуация не изменилась и за годы советской власти. Как указывает чеченский исследователь И.М. Сигаури: «Формирование национальной интеллигенции идет под непрерывным давлением государства. Центром ее формирования и деятельности становится Грозный с его преимущественно русским населением. Чеченская интеллигенция оказывается как бы между советским государством и народом, ... Впрочем, как только чеченская интеллигенция попыталась обрести «национальное лицо», ее виднейшие представители были репрессированы по обвинению в соучастии в разного рода «националистических центрах» [9, с. 199]. Можно утверждать, что на протяжении XX в. чеченская национальная культура претерпела радикальную трансформацию, которая произошла в рамках общей модернизации чеченского общества за советский период. Современная чеченская культура стоит на основе светской и общероссийской (шире – общеевропейской) культурной традиции.

Последнее десятилетие XX в., начавшееся в Чечне под лозунгом национального возрождения и обретения государственной независимости, казалось бы, должно было привести к общему подъему и национальной культуры. Однако на самом деле произошло прямо противоположное. Острейший социально-политический и экономический кризис в Чеченской Республике протекал на фоне невиданного ранее падения общественной морали и быстрой деградации национальной культуры. Чеченский политолог Б. Нанаева в этой связи подчеркивает: «...в постсоветский период эйфория «первооткрытия» ряда духовных идеалов и нравственных принципов прошлого чеченцев, особенно идеи свободы, сопровождалась, как всегда бывает в таких случаях, завышенными ожиданиями и иллюзиями невозможного. Крушение устоявшихся норм привело, в свою очередь, к высвобождению та-

ких социальных стихий и энергии, которые вышли за рамки разумного и представляли серьезную опасность выживанию этноса» [5, с. 40].

Социологические исследования, проводившиеся в Чеченской Республике в 1990, 1992 и 1995 гг., и выборочно охвативших практически все социальные слои чеченского населения, наглядно свидетельствуют о значительной трансформации шкалы духовных ценностей, произошедшей за очень короткий срок и напрямую связанной с обстановкой, складывавшейся в республике. Так, если в 1990 г. в среднем 63,2% опрошенных респондентов из числа чеченцев считали духовное начало в жизни более важным, чем материальное, – то в 1992 г. так думали уже только 40,3% опрошенных. Причем, чеченская молодежь в это время охвачена меркантильными соображениями в гораздо большей степени, чем старшее поколение. Так, предпочтение духовному над материальным отдавали: в 1990 г. 47,1% респондентов из числа молодежи, а в 1992 г. – всего 14,3%. Как ни странно, именно ужасы «первой чеченской» войны заставили основную массу чеченцев вновь вспомнить о непреходящем значении духовных ценностей. Согласно опроса, проведенного в 1995 г. уже 71,9% опрошенных полагали, что духовное в жизни важнее материального, в том числе так ответили 62,8% молодежи [10, с. 226-227]. Таким образом, наиболее резкая переоценка ценностей произошла среди молодежи. Если в начале 90-х гг. молодежь не придает особого значения духовным ценностям, то поколение, пережившее первую чеченскую войну, как бы вновь поверило в необходимость духовности.

При проведении указанных опросов, респондентам было предложено также указать, какие духовные ценности представляются им наиболее важными для чеченцев. Выбор надлежало сделать из 15 ниже перечисленных категорий: 1 – образованность, мастерство, талант; 2 – внешний вид; 3 – этикет; 4 – щедрость; 5 – милосердие, великодушие, способность сопереживать; 6 – мужество, храбрость, способность защищать справедливость, честь и достоинство человека; 7 – справедливость; 8 – нравственность, этическая культура; 9 – честь, достоинство; 10 – мудрое терпение, выдержка; 11 – честный труд, трудолюбие; 12 – ум, мудрость; 13 – стыд; 14 – чувство долга; 15 – доброжелательная соревновательность в благородстве, в добрых делах. В 1990 г. 21,6% респондентов главной ценностью назвали следование этикету, 19,9% – нравственную культуру, 18,5% – честь, 16,1% – мудрое терпение, 9,6% – соревновательность в благородстве, 4,5% – милосердие, 4,8% – храбрость, мужество, 3,2% – мудрость и т.д. Что самое интересное, никто из респондентов не назвал в качестве приоритета такие качества, как внешний вид, а лишь по 1% отдавали приоритет справедливости и чувству стыда. Через два года на этот же вопрос были получены следующие ответы. На первое место по значимости вышла нравственная культура – 24,4% опрошенных. Предпочтение этикету отдавали 23,3% респондентов, честь в качестве приоритета назвали 17,2%, мудрое терпение – 18,5%, соревновательность в благородстве – 8,6%, милосердие – 4,3%, храбрость, мужество – 3,4%. Зато число ценящих справедливость возросло до 5,6%, а чувство стыда – 3%. В 1995 г. шкала духовных ценностей опять резко изменилось. На этот раз следование этикету выше других качество поставили 20,5% опрошенных, нравственной культуре – 19%, честь – 13,5%, мудрое терпение – 19,4%, со-

ревновательность в благородстве – 9,5%, милосердие – 6,2%, храбрость, мужество – 8%, И никто не посчитал важными такие качества, как чувство стыда и справедливость [10, с. 229-232]. Заметно менялось и отношение к труду, как одной из основных духовных ценностей. Так, в 1990 г. труд как важнейшую духовную ценность признавали 66,3% опрошенных (в том числе 53,1% молодежи), в 1992 г. так думало только 53,2% респондентов (в том числе 33,8% молодежи). В 1995 г. число ценящих труд упало еще ниже – до 26,2% (в том числе среди молодежи – 29,4%) [10, с. 238-239]. Одна из традиционных черт чеченского общества – почитание старших – также претерпела серьезную трансформацию. В 1990 г. почитание старших считали обязательным для себя 66,8% опрошенных молодых людей, а через два года так считали только 14,3% молодежи. В 1995 году этот же показатель составил 16% [10, с. 239-240]. Падение авторитета старших в глазах молодежи можно объяснить только глубоким разочарованием, которое охватило чеченское общество в первой половине 90-х гг.. Война резко увеличила число тех, кто считает гостеприимство одной из важнейших духовных ценностей. Так, в 1990 г. 15,9% опрошенных дали высокую оценку этой традиции. В 1992 г. так думали уже 31,3% респондентов, а в 1995 г. – 50,2%.

Чеченские социологи объясняют рост популярности обычая гостеприимства тем, что во время войны десятки тысяч беженцев оказались вынужденными искать его у незнакомых им людей [10, с. 243-244]. Резко увеличилось число тех, кто положительно оценивал такой обычай, как кровная месть. Если в 1990 г. положительно относились к кровной мести 23,9% респондентов, а в 1995 г. – уже 71,5%. При этом 36% тех, кто высказался за кровную месть, сами потеряли кого-то из близких родственников от рук бандитов или во время боевых действий.

Короткая передышка между двумя чеченскими войнами никак не способствовала стабилизации ситуации внутри Чеченской Республики, но способствовала дальнейшей деградации ее культурного пространства. Чеченские авторы так описывают состояние чеченского общества между двумя войнами: «Вся послевоенная республика – территория агрессивного пространства. Дома-калеки, грязные базары на каждом шагу (кроме как на рынке негде заработать рубль), горы мусора даже в центре – и обилие людей в камуфляжной форме, вооруженных и всегда хмурых. Тотальная безработица, большинство жителей Чечни живут за чертой бедности, молодежь лишена перспектив. Такая среда, где почти отсутствуют эстетические импульсы, озлобляет, внушает чувство неприкаянности, безнадежности. Не удивительно, что в Чечне сегодня много разрушителей и мало созидателей» [11, с. 36]. Не случайно, что именно на вторую половину 1990-х годов пришелся пик распространения в чеченском обществе идей ваххабизма, что также негативно сказывалось на востребованности традиционных духовных ценностей. Можно утверждать, что определенная деградация чеченской культуры, отчетливо наблюдаемая в последние годы, явилась, в первую очередь, следствием двух разрушительных войн. Причем, в наибольшей степени разрушению подвергся собственно «чеченский» компонент современной чеченской культуры, поскольку ее общероссийская и общеевропейская

часть постоянно воспроизводится благодаря тому, что Чечня остается в гуманитарном пространстве Российской Федерации. Это обстоятельство, в свою очередь, значительно облегчило проникновение и широкое распространение в чеченской этнической среде элементов массовой культуры. И действительно, за период 1990-х гг. чеченская культура понесла огромные и поистине невосполнимые утраты. В частности, было уничтожено огромное количество исторических и культурных памятников, документов, разрушена современная культурная инфраструктура (музеи, библиотеки и т.п.). Значительная часть чеченской национальной интеллигенции покинула Чеченскую Республику, а это серьезно подорвало культурную связь между поколениями. В целом произошла не только заметная деградация чеченской национальной культуры, но и предпринимались попытки изменить ее основополагающие черты. В частности, предпринимавшиеся во второй половине 1990-х гг. настойчивые попытки «исламизировать» не только политическую систему Чеченской Республики, но и само чеченское общество – также серьезно подорвали духовную основу чеченской национальной культуры. В этой связи заслуживает внимания мнение ряда российских исследователей о том, что в современной чеченской культуре значительно возросло значение ее религиозной составляющей в ущерб ее прежде ярко выраженному светскому характеру.

Конечно, дегуманизация культуры отмечалась во всем мире на всем протяжении XX в., что выразилось в ослаблении места и роли гуманистических идеалов в жизни человечества. Однако глубочайший кризис чеченской культуры, без сомнения, вызван не только общим кризисом мировой культуры и агрессивной конкуренцией со стороны массовой культуры, но и глубоким кризисом, переживаемым чеченским обществом в 1990-е годы, а также последствиями двух войн.

Размыванию устоев национальной культуры в немалой степени способствовало и длительное пребывание сотен тысяч чеченских беженцев в палаточных лагерях и пунктах временного размещения: «Мне пришлось работать в лагерях беженцев и я воочию наблюдал какой страшный удар был нанесен по нашей традиционной культуре. В одной палатке вынужденно соседствовали не только разные поколения одной семьи, но и по несколько семей сразу. Чеченцы традиционно очень щепетильны в быту и, например, в отношениях между отцом и детьми соблюдается определенная дистанция, способствующая сохранению родительского авторитета. Но наша уникальная система воспитания просто не работала в условиях палаточных лагерей. Результат такой ситуации вполне прогнозируемый: палаточные лагеря и пункты временного размещения стали центрами, где наиболее интенсивно шло разрушение традиционных нравственных ценностей» [12, с. 30]. Социальная маргинализация чеченского общества сопровождалась культурной маргинализацией в такой степени, что ныне массовое сознание в современном чеченском обществе определяется двумя шкалами духовных ценностей, заимствованными из двух культур – чеченской и русской. Таким образом, значительная часть чеченцев в настоящее время почти утратила духовные ценности, составлявшие «иммунитет» национальной культуры и поэтому не способна противостоять чуждому культурному влиянию. Практически никто из чеченских

авторов не сомневается в том, что за последние 10-15 лет в чеченском национальном менталитете не только сформировался ряд новых черт, но и претерпели существенное изменение некоторые, истари присущие чеченцам особенности мировосприятия. Так, Т. Серганова отмечает: «Наряду со специфическим чеченским менталитетом у определенной части населения сформировался надэтнический менталитет толпы с чертами, общими для части нашего общества. Во-первых, это тоталитарность массового и индивидуального сознания; убежденность в правоте группы, а не личности; отсутствие идеи неприкосновенности личности, крайняя нетерпимость к инакомыслию и всякому нестандартному поведению, бытовой шовинизм. Во-вторых, потребительски-престижная ориентация в достижении цели, лишенная трудового и творческого компонентов; зависть и уравнилельные притязания. В-третьих, социальное иждивенчество, нежелание брать на себя ответственность; склонность к агрессивному поведению, озлобление и жестокость, даже по отношению к социально незащищенным и ущемленным группам людей» [13, с.30].

О негативных изменениях говорит и другой чеченский автор Р. Макуев: «Предаются забвению лучшие человеческие качества. Онемела способность сострадать слабому, желание защитить его и т.п. Вместо этого мы имеем фетишизацию меркантильности, отказ от исконно чеченских критериев оценки личности, утверждение массовой психологии, доведенной до уровня инстинктов грызунов» [14, с. 98]. В целом, чеченское общество «...оказалось у той черты, когда возникла угроза потери самоидентичности, того, что составляло душу народа. Успокаивать себя легендами и преданиями о былом нравственном величии – значит закрывать глаза на сегодняшние боли» [13, с. 31]. С другой стороны, чеченское общество сегодня открыто как никогда ранее, что замечают и иностранные журналисты, побывавшие в послевоенной Чечне: «Чувствуется, что ваших людей живо интересует, как живут в других странах; они хотят жить по-другому и внутренне готовы к тому, чтобы изменить свою жизнь» [15, с. 10].

Важно отметить, что в самой Чеченской Республике появилось понимание того, что для успешной адаптации в современном глобализирующемся мире чеченское общество обречено на дальнейшую социальную модернизацию. А поскольку процесс глобализации неотделим от интенсивного взаимного проникновения различных культур, то со всей остротой встает вопрос о судьбе чеченской национальной культуры. Вопрос очень не простой, но чеченское общество сумело преодолеть соблазн самоизоляции, поскольку это все равно не помогло бы делу сохранения традиционной культуры. Скорее наоборот – именно в этом случае у чеченской культуры не было бы будущего: «Нужно провести четкую грань между общественными и политическими институтами общества (его социально-профессиональной структурой) и национальной культурой, национальными традициями и национальными духовными ценностями. Существование чеченской культуры не зависит напрямую от существования тех или иных традиционных для нас институтов, например, тейпов. И поэтому модернизация социальной структуры общества не равнозначна отказу от национальной самобытности. Наоборот, только модернизируя чеченское общество можно сохранить в будущем чеченскую нацию» [16, с. 4].

Впрочем, готовых рецептов модернизации чеченской культуры с тем, чтобы сохранить ее национальный дух и форму – в чеченском обществе нет. Многим представляется, что культурная модернизация должна заключаться в возрождении «...лучших этнокультурных традиций,...», [17, с. 225-226] что нельзя не признать упрощенческим подходом к данной проблеме. Вообще среди чеченской интеллигенции широко распространено убеждение, что массовая культура сегодня представляет для чеченской национальной культуры не меньшую угрозу, чем ваххабизм во второй половине 1990-х годов. Поэтому и проблема сохранения самобытности чеченской культуры стоит как никогда остро: «...как это сделать в современном мире, где технологии, создававшиеся для более быстрого и успешного распространения информации, превратились в мощное орудие культурного влияния? Мы говорим о непреходящих духовно-нравственных ценностях, единых для всего человечества и имеющих собственное лицо у каждого народа, а в жизнь простого человека каждодневно вторгается совершенно другая система ценностей, основанная на абсолютизации личности. Человеку постоянно внушается, что любое его желание оправдано, а личный успех – единственная цель жизни» [12, с. 28].

В Чеченской Республике (также как и в других национальных субъектах РФ) иногда раздаются голоса в пользу введения запретительных мер. В частности, усилия чеченских властей в лице Министерства культуры ЧР направлены сейчас на то, чтобы пропагандировать в первую очередь традиционную народную культуру и ограничить распространение чеченского варианта «попсы». Однако появление одних только официальных или неофициальных запретов не способно решить проблему уже в силу одного того обстоятельства, что при современных информационных технологиях введение цензуры на ту или иную форму культурного самовыражения просто невозможно. Чтобы успешно противостоять натиску массовой культуры необходимо то, чего никогда еще не было в Чеченской Республике – собственная государственная политика в сфере культуры, которую поддержало бы чеченское общество. Однако одним из необходимых условий выработки такой политики является достижение определенного консенсуса внутри самого чеченского общества, сотрудничество между государством и обществом. Нельзя игнорировать и то немаловажное обстоятельство, что современную чеченскую культуру можно рассматривать как элемент общероссийской культуры. В частности, В.А. Тишков особо подчеркивал именно эту особенность современной чеченской культуры: «Знание и понимание отличительных черт чеченской культуры не должно приводить к игнорированию культурных схожестей разделяемых всем населением государства культурных норм и ценностей, сложившихся на основе доминирующей в нем русскоязычной российской культурной системы. В современном культурном арсенале чеченцев (имеется в виду ситуация до начала 1990-х годов) было и остается гораздо больше элементов от региональной северокавказской, от общероссийской и от общемировой культурных систем, чем тот набор культурного материала, который можно определить как «собственно чеченский» [18, с. 8].

В качестве наглядного примера совпадения культурной среды сторон, непосредственно вовлеченных в военное противостояние, В.А. Тишков называет песенную попсу,

рожденную в период чеченских войн и пользовавшуюся популярностью как у чеченских боевиков, так и российских военнослужащих, поскольку она была создана по законам массовой молодежной культуры.

Таким образом, изолированно решить проблему сохранения одной лишь чеченской культуры, независимо от процесса культурной трансформации, протекающего на общероссийском уровне – вряд ли возможно. Образно говоря, для спасения чеченской культуры необходимо спасти все культурное многообразие России. Тем более, что в настоящее время главным каналом проникновения массовой культуры стали общедоказательные средства массовой информации, на что указывают многие авторы, в том числе и В.А. Тишков «...главной формой информационно-культурного воздействия на население в последние десятилетия в Чечне было и остается так называемое «центральное» (советское и затем российское) телевидение, через которое транслируются и утверждаются как общероссийские культурные формы и ценности, так и мировая массовая культура. Любителей посмотреть латиноамериканские сериалы в Чечне не меньше, чем в той же Рязани» [18, с. 9].

У проблемы сохранения чеченской национальной культуры есть еще один аспект, связанный с наметившейся в последние десятилетия массовой миграцией чеченского населения за пределы своей республики. Образование обширной диаспоры не только в России и СНГ, но и в странах Европы и мусульманского Востока – чрезвычайно актуализирует проблему культурной ассимиляции самой диаспоры, а через нее и всего чеченского этноса. Одним из способов удержания чеченских мигрантов в рамках национальной культуры представляется создание чеченских культурных центров в местах компактного расселения чеченцев за пределами собственно Чеченской Республики. Интересно, что подобные центры возникали и в Ингушетии в разгар второй чеченской войны. Например, на протяжении нескольких лет подобный центр действовал в гор. Назрань, причем одним из важнейших направлений работы центра стало оказание методической помощи школам в лагерях чеченских беженцев. Кроме того, много внимания уделялось и организации культурно-массовых мероприятий, включая театральные постановки по произведениям чеченских авторов [19, с. 25-26]. Примерно в таком же русле работают и все другие ныне существующие чеченские культурные центры. Однако действуют они далеко не везде, где компактно проживают мигранты из Чечни и их деятельность охватывает лишь незначительную часть чеченской диаспоры. Таким образом, проблема остается открытой.

Литература

1. *Панарин А. С.* Политология. М., 2000.
2. *Ахмадов М.* Чеченская традиционная культура и этика. Грозный, 2006.
3. *Ахмадов М.* Основные этические ценности чеченцев и их трансформация на современном этапе // Вестник ЛАМ. № 1, Грозный, 2000.
4. *Хасиев С.-М.* О ценностной шкале чеченцев // Вестник ЛАМ. № 4, Грозный, 2000.
5. *Нанаева Б.* Мораль как способ нормативной регуляции чеченского общества // Вестник ЛАМ. № 30, Грозный, 2005.

6. Умарова З.Я. Духовность – источник человечности // Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство». Материалы конференции. Грозный, 2003.
7. Перепелкин Л. С. Чеченская Республика: современная социально-политическая ситуация // Этнографическое обозрение. № 1, М., 1994.
8. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 3. М., 2002.
9. Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
10. Чечня: право на культуру. М., 1999.
11. «Наша национальная культура не обречена на исчезновение...» // Вестник ЛАМ. № 33, Грозный, 2006.
12. Серганова Т. К проблеме этнопсихологических исследований в Чеченской Республике // Вестник ЛАМ. № 25, Грозный, 2004.
13. Макуев Р.Х. Проблемы российской государственности через призму трагедии Чеченской Республики. Орел, 2000.
14. Ульрих Хайден «Ваша жизнь будет хорошей» // Вестник ЛАМ. № 25, Грозный, 2004.
15. Чечня в XXI веке: как сохранить нацию в глобализирующемся мире // Вестник ЛАМ. № 20, Грозный, 2003.
16. Керимов М.М. Социокультурная ситуация в Чечне: кризис и обновление // Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство». Материалы конференции. Грозный, 2003.
17. Тишков В. А. Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
18. Юнусов Х. Очаг чеченской культуры // Вестник ЛАМ. № 14, Грозный, 2002.
19. Акаев В. Х., Вок Г. Б., Керимов М. М. Ислам в Чечне. Грозный, 2006.
20. Акаев В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. М., 2006.
21. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX- XX веках. М., 2005.
22. Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

***Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН***

27 июня 2008 г.